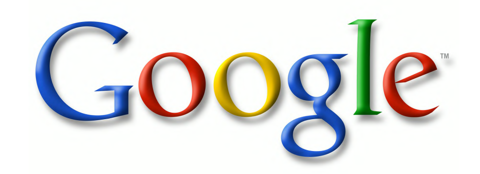

Jeremiah Curtin

М. ЮЗЕФОВИЧЪ.

О ЗНАЧЕНІИ ЛИЧНОСТИ

У НАСЪ И НА ЗАПАДѢ.

(Съ присоединеніемъ письма автора къ кн. П. А. Вяземскому отъ 9 іюля 1857 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1906

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

О значеніи личности у насъ и на Западѣ.

Печатаемыя ниже сего письмо и статья подъ приведеннымъ заглавіемъ принадлежатъ перу бывшаго помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича († 1889). Статья предназначалась для напечатанія въ „Русской Бесѣдѣ“, но не была пропущена тогдашней цензурой. Вслѣдствіе сего, М. В. Юзефовичъ обратился 9 іюля 1857 г. съ письмомъ къ князю П. А. Вяземскому, который состоялъ въ то время Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и завѣдывалъ дѣлами о печати. Юзефовичъ просилъ у князя разрѣшенія напечатать названную статью, но разрѣшенія не послѣдовало, и статья осталась не напечатанною.

Между тѣмъ, статья г. Юзефовича представляетъ несомнѣнный историко-литературный интересъ. Кромѣ того, она даетъ новый матеріалъ для исторіи нашей цензуры. Чтобы показать, что̀ именно вызвало запрещеніе ее къ печати, мѣста, подчеркнутыя въ рукописи красными цензорскими чернилами, отмѣчены въ печатномъ текстѣ ея звѣздочками.

Статья и письмо Юзефовича сохранились въ бумагахъ академика Я. К. Грота, къ которому перешли отъ П. А. Плетнева.

Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, которому они сообщены проф. К. Я. Гротомъ, счастливо, что ему выпало на долю исполнить, хотя и поздно—черезъ полвѣка,—желаніе автора и познакомить русскихъ читателей съ его интересной статьей.

Письмо г. М. Юзефовича къ князю П. А. Вяземскому.

Милостивый Государь,

Князь Петръ Андреевичъ,

Одинъ изъ самыхъ важныхъ для насъ, по моему мнѣнію, современныхъ вопросовъ побудилъ меня написать представляемую Вашему Сіятельству статью, для помѣщенія оной въ Русской Бесѣдѣ. По предварительному сношенію съ цензурой оказалось, что эта статья не можетъ быть разрѣшена къ напечатанію безъ такихъ пропусковъ, которые уничтожаютъ всю цѣльность ея содержанія.—Изъ замѣченныхъ цензурою и означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ красными чернилами мѣстъ я самъ признаю неудобными къ оглашенію въ настоящее время тѣ изъ нихъ, гдѣ говорится о закрѣпленіи крестьянъ: мѣста эти вошли въ мою рукопись только для полноты изложенія; но противъ непозволительности всѣхъ прочихъ мѣстъ я рѣшительно протестую.—Никто не убѣжденъ болѣе меня въ необходимости цензурнаго надзора за неблагонамѣренностью и своеволіемъ слова; но ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ словахъ моихъ. — Я разсматриваю вопросъ о коренномъ началѣ нашей русской жизни и доказываю, что все главное ея содержаніе опредѣлено христіанскимъ началомъ братства и любви. Этому началу я противопоставляю другое начало, опредѣлившее содержаніе западнаго развитія. Далѣе я объясняю отношеніе этихъ двухъ началъ между собою. Здѣсь я не могъ не коснуться реформы Петра Великаго и ея послѣдствій, и ежели долженъ былъ показать несостоятельность для насъ этихъ послѣдствій, не по преднамѣренному, а по необходимому логическому выводу, то я, вмѣстѣ съ тѣмъ, и защищаю память Великаго Преобразователя отъ придирчивыхъ нареканій, какія не рѣдко противъ него слышатся, и доказываю неизбѣжность тѣхъ убѣжденій, которыя имъ руководили. Дойдя же до Императора Николая, я указываю на его высокое историческое значеніе, еще не понятое и, потому, еще не оцѣняемое достаточно въ наше время. Если мысли и выводы мои ошибочны, то пусть ихъ опровергаетъ критика; но они не заслуживаютъ безотвѣтнаго осужденія цензуры.

Напротивъ, я думаю, что разрѣшенію разсматриваемаго мною вопроса, лежащаго въ основаніи двухъ борющихся у насъ историческихъ направленій, необходимо содѣйствовать всѣми мѣрами, какъ для пользы отечественной науки, такъ и для всѣхъ высшихъ интересовъ нашей жизни, а къ этому разрѣшенію можетъ привести только свободное изслѣдованіе.

Не могу воздержаться и не сказать при этомъ случаѣ, что мое долгое, по официальной обязанности, наблюденіе за ходомъ нашей цензуры привело меня къ убѣжденію, что и враги наши не могли бы придумать лучшаго средства для поддержанія у насъ западнаго вліянія на умы: стѣсненіе отечественнаго слова въ предѣлы какого-то офиціальнаго формализма лишало возможности самые благонамѣренные у насъ умы не только свободно развивать полезныя идеи, но даже разумно противодѣйствовать самымъ опаснымъ заблужденіямъ, развивавшимся у насъ подъ вліяніемъ западныхъ теорій. Въ нашъ по преимуществу политическій вѣкъ, намъ не было возможности сказать разумнаго слова ни о какомъ политическомъ вопросѣ, нельзя было выставить безъ стѣсненія ни одной статистической цифры, ни одного историческаго факта; въ отечественной исторіи намъ запрещено было не только говорить о нѣкоторыхъ событіяхъ, но даже произносить нѣкоторыя имена. Политическая и историческая правда были изгнаны изъ нашей литературы. Естественно, что и литература и наука наша впали отъ того въ застой и въ опошленіе. А по мѣрѣ стѣсненія самостоятельной производительности нашей мысли, наши образованные люди, и особенно наше образующееся юношество, все болѣе и болѣе должны были искать себѣ умственной пищи въ иностранныхъ книгахъ, безусловно подчиняясь ихъ авторитету и стараясь тѣмъ съ большею жадностью, чѣмъ было сильнѣе преслѣдованіе собственной мысли, отыскивать запрещенныя, т. е. самыя вредныя изъ нихъ, чему у насъ никогда не встрѣчалось серьёзныхъ препятствій. Я знаю по опыту, какого вниманія и какихъ усилій требовалось для того, чтобы не допускать къ студентамъ или извлекать изъ рукъ ихъ подобныя книги. Такимъ образомъ цензура, стѣсняя отечественное слово, не только не стѣсняла распространенія у насъ вредныхъ мыслей, но содѣйствовала ему.

Я не жалуюсь на цензурныхъ судей, потому что мнѣ близко извѣстны всѣ строго-стѣснительныя для нихъ постановленія, до сихъ поръ еще, кажется, не отмѣненныя. Но прежнее вредное стѣсненіе не можетъ уже имѣть силы съ тѣхъ поръ, какъ цензура поступила въ непосредственное вѣдѣніе Вашего Сіятельства. И вотъ почему я беру смѣлость обратиться прямо къ вамъ и въ настоящемъ случаѣ просить Вашего высшаго и личнаго суда.

Меня побуждаетъ къ тому не притязательность на значеніе самой статьи, а значеніе вопроса, въ ней разсматриваемаго, отъ разрѣшенія котораго зависитъ опредѣленіе истиннаго смысла нашей исторіи, а слѣдовательно и требованій нашей жизни, и на который я бы желалъ обратить вниманіе лучшихъ, нежели я, изслѣдователей.

Благосклонныя отношенія, которыхъ Ваше Сіятельство меня нѣкогда удостоивали, и всѣмъ извѣстное неостывающее сочувствіе Ваше ко всему отечественному въ литературѣ, внушаютъ мнѣ надежду, что Вы простите меня за смѣлость и не изволите мнѣ отказать въ убѣдительной просьбѣ: прочесть мою статью и произнесть надъ нею Вашъ собственный приговоръ, которому я напередъ покоряюсь безропотно.

Поручая себя благосклонной Вашей памяти, съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и душевной преданности, имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Юзефовичъ.

Іюля 9-го дня 1857 года.
Кіевъ.

О значеніи личности у насъ и на Западѣ.

Въ нынѣшнее время главнымъ предметомъ пристрастія у насъ къ Западу служитъ то значеніе, въ какое западная образованность поставила личность человѣка. Другими словами: насъ уже увлекаютъ на Западѣ не блескъ общежительныхъ формъ, не наука, не искусство, какъ было прежде, а самыя внутреннія начала жизни,—начала, которыя всѣми своими требованіями и стремленіями противорѣчатъ самымъ кореннымъ основамъ нашего духа.

Поклонники у насъ западной личности говорятъ, что сознаніе личности необходимо для сознанія человѣческаго значенія, а такое сознаніе необходимо для развитія человѣческаго духа, и не находя западнаго личнаго начала между основами нашей жизни, а потому отрицая у насъ существованіе самаго начала, признаютъ западное личное начало безусловною необходимостью для нашего развитія.

Никто не станетъ оспаривать важности личнаго начала въ развитіи человѣческаго духа; но странно предполагать, чтобы христіанскій народъ, прожившій общественною жизнью нѣсколько вѣковъ, и признававшій въ самыя отдаленныя дохристіанскія времена даже въ плѣнномъ рабѣ значеніе человѣка [1]), остался самъ въ себѣ безъ всякаго сознанія этого значенія и нуждался въ заимствованіи самой о томъ идеи.

Такое ложное понятіе привилось къ намъ, *во-первыхъ*, отъ ошибочнаго понимнанія западной личности, принимаемой въ смыслѣ христіанскаго значенія человѣка, т. е. западнаго эгоизма, принимаемаго въ смыслѣ христіанскихъ правъ людей; *во-вторыхъ*, отъ односторонняго взгляда на личное начало, допускаемое только въ смыслѣ европейскомъ, и на образованность, принимаемую въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Европѣ, за норму общечеловѣческаго развитія; наконецъ, отъ обольщенія западною личностью, самымъ соблазнительнымъ изъ началъ человѣческаго духа.

Такія и подобныя заблужденія наши оправдываются, конечно, нашимъ исключительнымъ положеніемъ въ мірѣ: мы составляемъ въ немъ такую особенность, наши способы для самопознанія такъ еще новы, внутренняя сторона нашей исторіи такъ еще мало освѣщена, что намъ простительно не видѣть въ ней еще многаго, или многое видѣть въ ней не ясно и ошибочно, и потому ошибочно понимать себя, а Европу, какъ средоточіе всемірной образованности, принимать за образецъ для своего собственнаго развитія. Но пора намъ перестать упорствовать въ заблужденіяхъ,

---

[1]) „У Славянъ, по свидѣтельству Маврикія, плѣнные держались въ неволѣ только временно; послѣ извѣстнаго срока, имъ предоставлялось на выборъ заплатить выкупъ и возвратиться на родину, или остаться у хозяевъ на свободѣ и какъ друзья“. Б. Чичеринъ: Несвободныя состоянія въ Россіи, Русскій Вѣстникъ, 1856 года № 10-й.

и вмѣсто того, чтобы считать заговорщиками въ пользу отжившей старины тѣхъ, которые говорятъ въ защиту правъ нашей исторіи, и, отстаивая нашу старину, стремятся спасти жизнь нашего духа, пора обратить добросовѣстное вниманіе на вопросы, ими возбужденные, и вспомнить, что будущее родится отъ прошедшаго, что народы не измѣняютъ своей исторіи безнаказанно, а потому убѣдиться въ необходимости для нашего развитія пути, ею опредѣленнаго, и единаго ведущаго къ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ мы, какъ народъ, вызваны къ существованію.

Мы разошлись съ западными народами съ самой исходной точки исторической жизни: они образовались изъ завоеванія, а мы устроились безъ всякаго вмѣшательства внѣшняго насилія. Затѣмъ мы должны были разойтись съ ними и въ устройствѣ междучеловѣческихъ отношеній. Изъ различія этихъ отношеній естественно произошли и различное воззрѣніе на обязанности людей другъ къ другу и различное сознаніе личности человѣческой.

Есть два вида личности: *своя* и *чужая* или *ближняго.*

Въ нашей мирной, равноправной общинѣ, гдѣ общественною единицей являлся не человѣкъ, а народъ, міръ, — человѣкъ же, отдѣльно взятый, представлялъ только часть цѣлаго, дробь,—значеніе человѣческой личности было имъ сознано *въ пользу ближняго.* Нашъ общинникъ понялъ свое отношеніе къ людямъ въ томъ смыслѣ, что они въ правѣ отъ него требовать признанія своего личнаго значенія и того, что нужно для блага всѣхъ. На западѣ, напротивъ, среди общества, раздѣленнаго между насиліемъ и сопротивленіемъ, гдѣ народъ, составленный изъ стихій, другъ другу враждебныхъ, не могъ представляться понятію, какъ единица, а являлся какъ совокупность единицъ, изъ которыхъ каждую представлялъ человѣкъ, отдѣльно взятый, значеніе человѣческой личности было имъ сознано *въ пользу свою.* Западный человѣкъ понялъ свое отношеніе къ людямъ въ смыслѣ такомъ, что онъ самъ въ правѣ требовать отъ нихъ признанія своего личнаго значенія и того, что нужно для его собственнаго блага.

Отъ такого двоякаго сознанія личности, въ пользу ближняго и въ пользу свою, произошли и два личныхъ начала, служившихъ краеугольнымъ камнемъ нашему и западному развитію. Оба эти

начала ведутъ одинаково къ сознанію безусловнаго человѣческаго достоинства и потому легко смѣшиваются въ одно понятіе; но по двоякому смыслу, въ нихъ заключающемуся, у насъ и на Западѣ выразилось направленіе духа и опредѣлились формы жизни совершенно различно [1]).

Въ русскомъ человѣкѣ развились по преимуществу два свойства: чувство долга къ ближнему (самопожертвованіе) и не разлучное съ нимъ смиреніе духа; свойства, служащія человѣку лучшею охраною сердца, а въ немъ вѣры и любви, отъ посягательствъ умозрительной гордыни и отъ искушеній корыстнаго себялюбія. Свойства эти вошли въ основу русскаго характера и внесли въ бытъ и нравы русскаго народа то внѣшнее и внутреннее согласіе, которое, не смотря на все противодѣйствіе вторгнувшагося къ намъ въ жизнь европеизма, составляетъ и до нынѣ отличительную черту нашихъ народныхъ нравовъ и быта [2]).

Благодаря тѣмъ же свойствамъ, къ намъ въ область духа не проникло господство никакой исключительности; насъ не поработило никакое одностороннее направленіе; мы сохранили въ себѣ цѣльною всю совокупность духовныхъ силъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность духовнаго развитія полнаго и всесторонняго.

Спаситель, открывшій безграничное поприще для развитія человѣческаго духа, указавъ въ одной изъ двухъ заповѣдей своихъ обязанность нашу къ Богу, въ другой заключилъ весь остальной для насъ законъ жизни только въ этихъ словахъ: „люби ближняго“.— Видно только въ отношеніяхъ, опредѣляемыхъ этимъ закономъ, заключаются условія полнаго развитія человѣческаго духа, которое, съ тѣмъ вмѣстѣ, внѣ этихъ отношеній становится невозможнымъ.

Такая цѣльность духа не дала разобщиться и нашей жизни. Вся наша исторія есть непрерывное стремленіе къ осуществленію у насъ органическаго общественнаго единства. Это стремленіе нашей исторіи лишило ее того бурнаго разнообразія, которое придаетъ столько занимательности исторіи западныхъ народовъ, но зато оно сообщило ея движенію удивительную логическую стройность.

---

[1]) Въ этомъ различіи заключается возможность и новой науки права вообще.

[2]) Разумѣется, тутъ говорится о явленіяхъ типическихъ, а не случайныхъ или частныхъ.

Одинъ глубокій мыслитель сказалъ о Россіи: „она не построена, а выросла“ [1]). Этими словами опредѣляется весь характеръ нашего историческаго развитія.

Зерномъ, изъ котораго долженствовало вырости Русское Государство, была наша первобытная община, гдѣ общественная единица, міръ, поглощала личную дробь человѣка, т. е. гдѣ частное благо подчинялось благу общему.

Подъ вліяніемъ образовавшихся на этой почвѣ отношеній, и при отсутствіи насильственныхъ препятствій извнѣ, этотъ зародышъ развивался у насъ естественно и организмъ общины выросталъ свободно и послѣдовательно: въ единство племенное, единство народное и единство государственное.

Когда кругъ общинный расширился до значенія племеннаго и когда общинныя отношенія распространились между нѣсколькими племенами, тогда потребность органическаго общественнаго единства вызвала у насъ сознаніе потребности единичной власти, какъ силы, въ высшей степени способной и необходимой для выраженія этого единства во внѣшнихъ опредѣленіяхъ. — Власть эта, такимъ образомъ, была у насъ явленіемъ не наружнымъ, не случайнымъ, а произведеніемъ самаго организма, вслѣдствіе его развитія. Призванная для общественнаго устройства, она явилась какъ начало образовательное, [2]) и развивалась не искусственно, а естественно, въ силу расширенія общественнаго круга дѣйствія и соразмѣрно потребностямъ, которымъ должна была удовлетворять. Эти потребности вели власть послѣдовательно: отъ значенія племеннаго къ значенію народному, отъ шлема варяжскаго къ шапкѣ Мономаха, отъ удѣловъ, вѣча и дружины къ державѣ Московской, къ земскому собору и къ думѣ боярской, и, наконецъ, при окончательномъ образованіи государства, по новому призыву народа, поставили ее средоточіемъ всѣхъ народныхъ правъ и обязанностей, и, слѣдоватально, законнымъ представительствомъ всѣхъ интересовъ. Таково происхожденіе и значеніе Русскаго самодержавія [3]).

[1]) А. Хомяковъ: письмо въ Петербургъ, Москвитянинъ, 1845 г. № 2-й.

[2]) И вотъ почему реформа шла у насъ всегда сверху.

[3]) . . . „telle est la noble origine de l'autorité impériale en Russie“. — Quelques mots par un chrétien ortodoxe sur les communions occidenteles, à l'occasion d'une brochure de Mr. de Laurentie, Paris, 1853.

Христіанская вѣра застала у насъ общественныя отношенія совершенно соотвѣтственными духу своего ученія. Она освятила и укрѣпила ихъ за нами. Ученіе объ обязанностяхъ къ ближнему обратило условныя бытовыя понятія въ сознаніе безусловнаго нравственнаго долга и возвело отношенія языческой общины въ значеніе христіанскаго братства, этой основы всякаго между людьми единства.

На этой основѣ утвердилась у насъ православная церковь, эта духовная община, для которой условіе единства есть условіе бытія.

Такимъ образомъ русское государство, со всѣми своими стихіями, образовалось какъ органическое тѣло, изъ самаго себя.

Въ такое государство не могли проникнуть или не могли въ немъ укорениться никакія стихіи разобщительныя: въ немъ не образовалось ни аристократической касты, ни враждебныхъ другъ другу сословій, ни духовнаго, ни свѣтскаго деспотизма [1]). Наше дворянство, наши народные классы, наша свѣтская и духовная власть, имѣютъ совершенно другое значеніе. Въ нашемъ дворянствѣ, при отсутствіи маіората и при раздробительномъ наслѣдованіи имуществъ, родамъ не на что было опереться для пріобрѣтенія того неизмѣннаго значенія, гражданскаго и политическаго, которое составляетъ сущность и внутреннюю силу аристократіи. Въ немъ такое значеніе составляетъ принадлежность однихъ только отдѣльныхъ лицъ, вслѣдствіе личной заслуги или другихъ благопріятныхъ случайностей, независимо отъ рода и не распространяясь на него. И потому наше дворянство есть не что иное, какъ служилый отдѣлъ народа. Другіе наши народные классы тоже не суть особыя стихіи въ нашемъ общественномъ составѣ; они суть выраженіе естественнаго дѣленія народа по состояніямъ, сообразно роду жизни и занятіямъ людей, и составляютъ ступени общественной лѣстницы, по которымъ у насъ всякій, при удовлетвореніи требуемыхъ закономъ условій, можетъ восходить свободно, отъ самой низшей до самой высшей [2]). Наше духовенство, пред-

---

[1]) Здѣсь опять говорится о типическомъ смыслѣ исторіи, а не о случайныхъ ея явленіяхъ во времени.

[2]) * Что касается до крѣпостнаго состоянія, то оно не можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе, вышедшее изъ внутреннихъ условій нашего обществен-

ставляя православную церковь, на вселенскомъ единствѣ основанную, и у насъ неразорванную разнородностью коренныхъ началъ съ обществомъ, никогда не могло дѣствовать въ духѣ отдѣльности разъединенія, а потому всегда блюло неприсновенно чистоту пастырскихъ къ міру отношеній. Наша государственная власть, дважды добровольно призванная народомъ какъ сила, въ немъ зиждущая и о немъ промышляющая, и, слѣдовательно, существующая въ народѣ и для народа, не можетъ имѣть въ виду своего исключительнаго блага *безъ вреда своему собственному благосостоянію*, потому что личныя *т.е. деспотическія* стремленія, противны существу ея, *какъ органа живаго тѣла, отъ состоянія котораго зависятъ его собственныя довольство или страданіе [1]). Разу-

———

наго организма. Оно было у насъ слѣдствіемъ административныхъ мѣръ, и при томъ такимъ слѣдствіемъ, котораго, по всей вѣроятности, вовсе не имѣли въ виду принимавшіе эти мѣры. Графъ Сперанскій говоритъ опредѣлительно: „переходъ крестьянъ до 1-й ревизіи, т. е. до 1721 года, не былъ воспрещаемъ, ни отмѣняемъ, закономъ общимъ и положительнымъ; но ограниченіе сего права расчетомъ и срокомъ, послужило поводомъ къ уничтоженію самаго права". Въ указѣ же Шуйскаго, 1607 года, понимаемомъ г. Чичеринымъ въ смыслѣ укрѣпленія положительнаго и окончательнаго, графъ Сперанскій видитъ только новое распоряженіе, подобное уже прежде бывшимъ, объ однихъ бѣглыхъ, т.-е. такихъ людяхъ, которые оставляли владѣльческія земли безъ расчета съ ихъ владѣльцемъ. Такъ или иначе, но можно, по крайней мѣрѣ, сказать съ достовѣрностью, что ограничивая произволъ перехода или отмѣняя самое право онаго, никто не думалъ въ свое время, чтобы укрѣпленіе къ землѣ должно было сдѣлать человѣка крѣпкимъ лицу, т.-е., чтобы крестьянство обратилось въ холопство. Если же крѣпостное состояніе было у насъ слѣдствіемъ административныхъ мѣръ, то оно въ нашей жизни есть явленіе внѣшнее и случайное. Теперь оно составляетъ безспорно нашъ общественный недугъ, но по счастію, недугъ наружный,—болѣзненный наростъ, какой бываетъ и на самомъ здоровомъ тѣлѣ. Организмъ отъ него страждетъ, но для его исцѣленія не нужны внутреннія лекарства; достаточно его отсѣчь рукою искуснаго хирурга, чтобъ недугъ прошелъ безъ всякихъ другихъ слѣдствій *.—Все это примѣчаніе подчеркнуто цензоромъ.

* Слова, стоящія между звѣздочками, подчеркнуты цензоромъ.

[1]) *Деспотизмъ до того чуждъ нашему организму, что мы даже понять его не можемъ въ лицѣ Іоанна IV, и до сихъ поръ ищемъ смысла его, какъ загадки; искали этого смысла даже въ сумасшествіи. — Іоаннъ, устремясь въ деспотизмъ, самъ не могъ сладить съ своимъ положеніемъ: земскій соборъ и опричина суть такія противорѣчія, которыя можно объяснить только однимъ: что для деспотизма не существуетъ у насъ логическаго пути, что, выдѣляя себя изъ народа, власти нельзя у насъ выражаться иначе, какъ несообразностями, злоупотребленіемъ средствъ, и, смотря по характеру лица, крайностями, отъ которыхъ страдаетъ народъ, но въ которыхъ и самъ деспотъ всегда находитъ заслуженное себѣ наказаніе *.—Все это примѣчаніе подчеркнуто цензоромъ.

мѣется, далеки мы были всегда и еще дальше стали теперь, отъ того общественнаго идеала, который намъ указывается направленіемъ нашего духа; страсти, ошибки и историческія событія увлекали насъ постоянно въ большія или меньшія уклоненія отъ свойственнаго намъ пути и порождали у насъ явленія, противорѣчившія внутреннимъ требованіямъ нашего организма; но при опредѣлившихся отношеніяхъ, какъ другъ къ другу, такъ и къ своему общему единству*, всѣ наши общественныя стихіи связаны между собою такимъ союзомъ, котораго нельзя нарушить, не повредивъ ихъ частному и общему существованію, а потому всѣ онѣ: народъ, церковь, верховная власть, всѣ люди отъ царя до послѣдняго человѣка, составляютъ у насъ одно великое согласіе, въ которомъ нѣтъ мѣста для борьбы и нѣтъ нужды для общественнаго совершенствованія въ насильственныхъ переворотахъ. — „*Снидошася вси въ любовь*", — вотъ коренная формула русской общественности, во всѣ времена и во всѣхъ ея видахъ [1]).

Обратимся теперь къ Западу.

Въ западномъ человѣкѣ, вслѣдствіе историческаго положенія, заключившаго его въ тѣсный кругъ его личной исключительности, развилось по преимуществу чувство себялюбія. Себялюбіе сушитъ сердце, этотъ сосудъ вѣры и любви. Ему недоступна нравственная истина, потому что оно ставитъ внѣшній интересъ выше интереса внутренняго, частное благо выше блага общаго, и порабощаетъ господству разсудочной, этой исключительно логической, и, слѣдовательно, односторонней способности, всѣ другія силы души, всю совокупность общей дѣятельности духа.

При такомъ господствѣ разсудочнаго начала въ духовной области западнаго человѣка, всѣ отношенія къ міру внутреннему и внѣшнему стали имъ пониматься и опредѣляться только въ силу

[1]) . . . „Тамъ, гдѣ общественность основана на коренномъ единомысліи, тамъ твердость правовъ, святость преданія и крѣпость обычныхъ отношеній не могутъ нарушаться, не разрушая самыхъ существенныхъ условій жизни общества. Тамъ каждая насильственная перемѣна по логическому выводу была бы разрѣзомъ ножа въ самомъ сердцѣ общественнаго организма. Ибо общественность тамъ стоитъ на *убѣжденіяхъ*, а потому всякія *мнѣнія*, даже всеобщія, управляя ея развитіемъ, были бы для него смертоносны". И. Кирѣевскій: о характерѣ просвѣщенія въ Европѣ и о его отношеніяхъ къ просвѣщенію Россіи. Московскій Сборникъ, 1852 г., стр. 49.

логическаго вывода, и человѣкъ, поставленный своей исторіей на степень общественной единицы, сталъ принимать себя за средоточіе окружающей жизни, за отдѣльный маленькій міръ во вселенной, сталъ наклонять къ себѣ, какъ къ главной цѣли, всѣ преимущества человѣческаго значенія, и, мало по малу, увлекся къ самообожанію, къ обоготворенію своего разума, къ вѣрѣ въ одни его убѣжденія, къ построенію всей жизни на однѣхъ его основахъ, и, наконецъ, ко всеразрушающему отрицанію.

Изъ такихъ единицъ должны были сложиться западныя общества.

Но такія единицы не могли образовать цѣльнаго общественнаго организма, потому что каждая изъ нихъ представляла отдѣльный организмъ. Гизо въ своей исторіи европейской цивилизаціи говоритъ: „вездѣ, гдѣ личность господствуетъ почти самовластно, гдѣ человѣкъ имѣетъ въ виду одного себя, гдѣ его понятія не переходятъ за предѣлы самаго себя, гдѣ онъ повинуется только своей страсти, тамъ общество, разумѣя общество сколько-нибудь значительное и постоянное, становится для него почти не возможнымъ“ [1]).

Неудавшійся опытъ Имперіи Карла Великаго доказалъ эту невозможность.

Однакожъ общественность необходима человѣку, и западные люди должны были пріискать такія отношенія, которыя дѣлали бы общество для нихъ возможнымъ. Отсюда ихъ попытки составить искуственный союзъ, создать общественныя отношенія условныя, внѣшнія, соединиться въ общество по договору.

На договорѣ и основалась феодальная система, эта первобытная форма западнаго общественнаго быта.

Но договоръ состоятеленъ только при согласіи интересовъ. Въ феодальномъ же обществѣ такого согласія не могло осуществиться, потому что въ самой основѣ его лежало несогласимое, по

---

[1]) „Partout, où l'individualité domine presque absolument, où l'homme ne considère que lui-même, où ses idées ne s'étendent pas au-delà de lui-même, où il n'obéit qu'à sa propre passion, la société, j'entends une société un peu étendue et permanente, lui devient à peu près impossible“. — Guisot, Histoire générale de la civilisation en Europe, 3-me leçon.

характеру своему, сословное раздѣленіе, а внутри сословій господствовала своекорыстная личность. Даже въ городскихъ общинахъ, гдѣ существовало болѣе поводовъ и способовъ къ сближенію людей, ихъ сближали только однородные интересы, но и то не такъ, какъ у нашей артели, для взаимнаго раздѣла трудоваго плода, а чтобъ образовать корпораціи, гильдіи, для исключительнаго пользованія этими интересами. Вездѣ двигателемъ являлся эгоизмъ, породившій привилегію, монополію, маіоратъ, это доконченное выраженіе личнаго своекорыстія, лишающее дѣтей не только достоянія, но и имени отцовскаго [1]). Самое рыцарство, образовавшееся для противодѣйствія насилію частнаго произвола, кончило тѣмъ, что упрочило и даже облагородило этотъ произволъ, возведя вещественный авторитетъ поединка почти до значенія добродѣтели, и низведя, въ то же время, нравственное достоинство человѣка, его честь, эту единственную неотъемлемую его собственность, до рабской зависимости отъ этого авторитета. При существованіи такихъ отношеній и понятій, феодальный договоръ не былъ исполняемъ никѣмъ: всѣ общественныя стихіи продолжали жить каждая для самой себя, всѣ попытки привести ихъ къ какому-нибудь единству остались безуспѣшными, и феодальная система не только не скрѣпила ни одной общественной связи, не создала ни одной опоры для общаго права, но еще, такъ сказать, взлелѣяла и воспитала въ возникавшемъ обществѣ духъ частнаго сопротивленія и самогосподство личной воли: эти начала до того вошли въ нравы и понятія западныхъ людей, что даже въ наше время, самъ Гизо, при всей глубинѣ своего историческаго и государственнаго смысла,— выставляетъ этотъ фактъ какъ заслугу, оказанную феодальной системой человѣчеству [2]).

---

[1]) И наконецъ, въ наше время, гражданскій бракъ, уничтожающій самую законность ихъ въ христіанскомъ семействѣ.

[2]) „Le régime féodal a rendu le service à l'humanité de montrer sans cesse aux hommes la volonté individuelle se déployant dans toutes sons énergie". — Guisot, Histoire de la civilisation en Europe, 7-me leçon. Замѣчательно, что въ этой Исторіи Гизо не разсматриваетъ вліянія Христіанства въ смыслѣ нравственнаго начала, а разсматриваетъ только вліяніе Христіанской Церкви, въ смыслѣ общественнаго учрежденія. Не потому-ли, что Христіанство, какъ нравственное начало, противорѣчитъ его любимому понятію о значеніи человѣческой личности? — по крайней мѣрѣ, въ 4-й лекціи, разсуждая о правѣ личнаго сопротивленія, какъ

Такимъ образомъ феодальная система сдѣлала одно: она возвела личную исключительность въ значеніи общественнаго начала.

Первымъ на западѣ проявленіемъ нѣкоторой общности стремленій были крестовые походы: въ нихъ въ первый разъ проявился въ западной жизни общій интересъ, общая идея, и потому это движеніе содѣйствовало нѣкоторому сближенію общественныхъ стихій, дотолѣ другъ другу почти совершенно чуждыхъ. Въ дальнѣйшихъ своихъ результатахъ крестовыя походы, ослабивъ гидру феодализма, дали возможность подняться, съ одной стороны, народной стихіи, а съ другой монархической власти. Власть эта, при возникшихъ въ обществѣ новыхъ потребностяхъ и способахъ жизни, при невозможности существовать долѣе безъ общественной опоры, и послѣ разныхъ безуспѣшныхъ опытовъ общественнаго устройства, успѣла мало по малу окрѣпнуть и основать государства.

Но въ построенныхъ ею политическихъ зданіяхъ недоставало необходимаго цемента, внутренней связи, безъ которой не можетъ быть никакого прочнаго устройства, а потому западная монархическая система оказалась въ свою очередь несостоятельною. Съ одной стороны власть, не связанная съ народомъ никакимъ нравственнымъ началомъ, пріобрѣтя достаточную силу, пошла путемъ своихъ личныхъ, т. е. деспотическихъ стремленій; съ другой стороны народы, отдохнувъ отъ феодальной неурядицы, перестали видѣть въ единичной власти необходимую опору порядка и спокойствія, и стали смотрѣть на нее уже не какъ на ручательство общаго права и общаго блага, а какъ на посягательство на нихъ: игра частныхъ интересовъ возобновилась скоро, и тамъ, гдѣ личная исключительность успѣла пріобрѣсть въ свою пользу болѣе опредѣленныя и положительныя условія, не замедлило произойти столкновеніе, при которомъ власть пала. Ее потомъ подняли и подчинили народному надзору, поставивъ, такимъ образомъ, народъ и правительство въ положеніе двухъ наблюдающихъ другъ за другомъ враждебныхъ становъ. Тотъ же переворотъ повторился по-

---

такого чувства, которое никогда не должно быть уничтожаемо въ сердцѣ людей, онъ говоритъ именно: „il ne sortait pas non plus naturellement, à mon avis, des principes de la société chrétienne“.

томъ во Франціи, гдѣ одна система слѣдовала за другою, вытѣсняя другъ друга, но не приводя искомаго вопроса ни къ какому удовлетворительному рѣшенію. Тѣ же явленія совершались или подготовляются и у прочихъ западныхъ народовъ: вездѣ внутреннее недовольство, вездѣ притязанія частнаго интереса, вездѣ стремленіе къ перемѣнѣ, къ новымъ опытамъ, новымъ договорамъ, несмотря на повсюдную ихъ несостоятельность, по невозможности согласить частныхъ притязаній съ общими интересами. Но договорная система одна только и возможна для западныхъ обществъ [1]): при отсутствіи внутренней связи органическое единство для нихъ недостижимо. У нихъ могло образоваться не внутреннее единство народовъ, а внѣшнее единство народностей: это крайняя степень общественной на западѣ цѣльности.

Христіанская церковь на западѣ успѣла образоваться и утвердиться еще во время Римской Имперіи. Нашествіе варваровъ застало ее уже построенною на прочныхъ основахъ. Но эта прочность основъ была достаточна для того, чтобы среди всеобщаго разрушенія спасти церковь отъ погибели, но не для того, чтобы одолѣть силу историческихъ событій, и спасти ее отъ вліянія новыхъ отношеній, внесенныхъ въ западный міръ завоеваніемъ.

Эти отношенія при неполной твердости христіанскихъ началъ, которыя не могли глубоко укорениться на Римской почвѣ, скоро увлекли и самую церковь на путь разъединенія, исключительности, своекорыстія, которыя составляютъ господствующій характеръ западной исторіи вообще и средняго ея періода въ особенности.

Покоривъ завоевателей вѣрѣ Христовой, западная церковь [2]) воспользовалась этой побѣдой для пріобрѣтенія независимости, о которой она заботилась еще при императорахъ. Догматъ раздѣле-

---

[1]) „Тамъ (на Западѣ) все возникло изъ завоеванія и изъ вѣковой борьбы, не замѣтной, но безпрестанной, между побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Безпрестанная война безпрестанно усыплялась временными договорами, и изъ этого вѣчнаго колебанья возникла жизнь вполнѣ условная, жизнь контракта или договора, подчиненная законамъ логическаго и, такъ сказать, вещественнаго расчета“. А. Хомяковъ, Письмо въ Петербургъ, Москвитянинъ. 1845 г., № 2-й.

[2]) Слово церковь здѣсь имѣетъ то значеніе, которое ему даютъ западные историки, а не настоящій свой Христіанскій смыслъ.

нія духовной и свѣтской власти былъ провозглашенъ и утвердился. Но независимость, при своекорыстіи общаго направленія, увлекла духовную власть въ гордость властолюбія. Независимое положеніе, которое она пріобрѣла со всѣми своими интересами, духовными и мірскими, имѣло слѣдствіемъ смѣшеніе этихъ интересовъ между собою и, потомъ, обращеніе послѣднихъ въ цѣль, а первыхъ въ средство. Папство, эта высшая ступень развитія западной личности, захватившей въ свои руки самыя права Божескаго всемогущества, поработивъ умъ и совѣсть человѣка, устремилось ко всемірному обладанію: чтобъ дать твердую опору своему рычагу, оно превратило Божію церковь въ государство, и, оперши́сь на двойной авторитетъ Рима, свѣтскій и духовный, стало повелѣвать монархами и народами. А чтобъ устранить и послѣднюю помѣху гордымъ притязаніямъ своей исключительности,—сопротивленіе восточной вселенской церкви Римскому главенству,—западная церковь разорвала съ ней союзъ братства и любви, и отдѣлившись отъ области царства Христова, разрушила единство христіанской паствы, принеся въ жертву своекорыстію и самые высшіе интересы человѣчества [1]).

Такимъ образомъ и въ самой западной церкви внѣшность восторжествовала надъ духомъ.

Но духовный деспотизмъ, какъ и свѣтскій, вызвалъ противодѣйствіе: умъ и совѣсть, очнувшись отъ своей неволи, возстали за свою независимость, и на развалинахъ христіанскаго вселенскаго единства возникла реформація, эта раціональная вѣра, т. е. духовная анархія, — законное дитя романизма, какъ называетъ ее авторъ нѣсколькихъ словъ о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ.

Освободясь отъ оковъ Римскаго деспотизма, умъ пошелъ безостановочно путемъ раціональнаго умозрѣнія и подчинилъ логическому выводу всю систему западнаго мышленія.

Такъ выразилась западная личность и въ области жизни и въ области духа. Вѣроятнымъ результатомъ такого человѣческаго

---

[1]) О значеніи этого единства смотри: Quelques mots sur les communions occidentales: à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie (Paris, 1853) et à l'occasion d'un mondément en l'archevêque de Paris (Leipzig, 1855), par un chrétien orthodoxe.

развитія можетъ быть только постепенное паденіе всѣхъ основъ вѣры, нравственности и общества; ибо умъ и воля, неповинующіеся никакому высшему авторитету, не могутъ не дойти до крайнихъ предѣловъ отрицанія. Вещественное благосостояніе, лучшій плодъ разсудочной жизни, и раціональная наука, заключенная въ границы логическаго познаванія, не могутъ удовлетворить ни требованій разума, ни желаній сердца, ни стремленій воли: вещественное благосостояніе и духъ развиваемой имъ ассоціаціи, хотя бы доведенной до самыхъ обширныхъ размѣровъ, не замѣнятъ отсутствія нравственной между людьми связи и не остановятъ своекорыстныхъ стремленій личной воли, а раціональная наука не дастъ отвѣта на многіе вопросы пытливаго ума и не наполнитъ пустоты невѣрующаго сердца. Будущія судьбы западнаго міра, конечно, извѣстны одному Богу. Но, пока, мы видимъ, что самъ западный человѣкъ вездѣ и во всемъ, словомъ и дѣломъ, высказываетъ свою несостоятельность: среди всей роскоши и удобствъ жизни, при лучезарномъ свѣтѣ всеобъемлющаго знанія, что такое поэзія Байрона, какъ не вопль ничѣмъ не наполнимаго сердца? Что такое безнадежность Фауста, какъ не сознаніе безсилія раціональнаго мышленія, безсилія, не опровергнутаго, а подтвержденнаго новыми умственными построеніями Гегеля и Шеллинга? Что такое отрицательное направленіе современной литературы, какъ не выраженіе отрицательнаго состоянія нравственныхъ началъ въ обществѣ? Что такое идеальныя утопіи общественныхъ реформаторовъ, какъ не отзывъ глубокой потребности создать иное построеніе жизни, вырваться въ иную сферу отношеній? Наконецъ политическія партіи и такъ называемая оппозиція, вошедшія въ права законныхъ условій западнаго общественнаго быта, что другое, какъ не свидѣтельство невозможности у западныхъ народовъ внутренняго согласія и необходимости, для поддержанія искусственнаго равновѣсія между поминутно сталкивающимися интересами, борьбы, которой окончательнымъ выраженіемъ могутъ быть только насильственные перевороты? Борьба и насильственные перевороты составляютъ естественную двигательную силу и необходимое условіе такъ называемаго прогресса въ западной общественной жизни.

Въ этой характеристикѣ какъ нашего, такъ и западнаго развитія, принято въ соображеніе одно личное начало, какъ предметъ разсматриваемаго вопроса. При томъ, какъ мы видѣли, оно одно, само по себѣ, опредѣлило какъ у насъ, такъ и на западѣ, все главное содержаніе жизни. Разсмотримъ теперь значеніе другихъ стихій, на нее дѣйствовавшихъ, каковы были: варяжская, византійская, татарская у насъ, и древне-римская у западныхъ народовъ, чтобы показать, что опредѣляющая сила дѣйствительно принадлежала одному личному началу, какъ самому могучему изъ двигателей человѣческаго духа, а всѣ прочія стихіи располагали только силою посредствующею, которая содѣйствовала или мѣшала развитію внутренняго содержанія жизни, но не опредѣляла его.

Весьма большая доля участія въ нашей жизни принадлежитъ, безъ сомнѣнія, стихіи варяжской. Съ нею непосредственно и посредственно связаны важнѣйшія явленія нашей исторіи: установленіе верховной власти, родовое начало въ княжескомъ родѣ, удѣлы, дружина, развитіе личной поземельной собственности, дворянство и т. д. Послѣдствія этихъ явленій въ нашей жизни неисчислимы, и нѣтъ сомнѣнія, что они долго и много тревожили нашъ общественный организмъ, нерѣдко спорили съ внутренними его опредѣленіями и даже измѣняли ихъ; но бытъ, встрѣтившій у самой колыбели общественности опору въ христіанствѣ, утвердившійся на понятіяхъ, перешедшихъ изъ дѣйствительной жизни въ самыя вѣрованія народа, не могъ уступить никакой противорѣчившей ему силѣ, а, напротивъ, всякая такая сила должна была неизбѣжно уступить союзному на нее дѣйствію жизни и вѣры и подчиниться ихъ требованіямъ. Памятникъ быстраго вліянія нашего христіанско-общиннаго начала на духъ варяжскій сохранился намъ въ исторіи Владиміра, который, едва принявъ христіанство и будучи сыномъ отца, еще истаго варяга, не рѣшался уже проливать крови самыхъ убійцъ, щадя жизнь ближняго даже въ лицѣ злодѣевъ [1]). Тоже подчиненное къ намъ отношеніе варяжскаго элемента мы встрѣчаемъ и во всѣхъ другихъ соприкосновеніяхъ его съ нашею жизнію: вѣчевое наше право, несмотря на водвореніе

[1]) Какъ бы ни понимали этого мѣста въ лѣтописи, но безспорно то, что законности смертной казни нельзя доказать въ дотатарскую эпоху.

у насъ варяжской власти, прошло по всѣмъ ступенямъ нашей общественности и дошло, въ формѣ земскаго собора, до самаго времени Петра Великаго [1]). Родовое начало, не переходившее за предѣлы княжескаго рода и дружины, напрасно противоборствовало требованіямъ нашего общественнаго единства, и должно было, наконецъ, уступить ему. Дружина, будучи личною принадлежностью княжеской власти, долго составляла какъ бы внѣшній элементъ въ нашемъ организмѣ; служа личнымъ интересамъ своихъ князей, она была почти чужда интересамъ народнымъ. Но какъ личная принадлежность княжеской власти, она и зависѣла совершенно отъ судьбы ея, а потому, когда эта власть поглотилась единодержавіемъ, она сама была поглощена государствомъ. Съ этихъ поръ ея характеръ совершенно измѣнился: она вошла, какъ новый классъ, въ общій составъ нашего народа, обратилась въ живой членъ нашего общественнаго тѣла, питаясь и развиваясь уже изъ него, а не внѣ его: значеніе Боярской Думы окончательно свидѣтельствуетъ о сліяніи дружины съ государствомъ. Что же касается до личной поземельной собственности, то она не была у насъ приносомъ собственно варяжскимъ. Варяжскій элементъ только способствовалъ ея развитію и распространенію. Это послѣднее обстоятельство, въ послѣдствіяхъ своихъ, безъ сомнѣнія, очень важно; однакожъ рядомъ съ нимъ у насъ осталось не нарушеннымъ и общее владѣніе землею, которое составляетъ и до нынѣ основаніе нашей сельской общины. Всё это доказываетъ, что варяжская стихія не измѣнила основнаго характера нашего развитія; что корень, изъ котораго возникла наша общественность, питалъ ее независимо отъ чужеядныхъ нарощеній; однимъ словомъ, что изъ наслѣдства, полученнаго нами отъ Варяговъ, не осталось у насъ ничего такого, что бы не претворилось въ плоть и кровь нашего организма, т.-е. чтобы не подчинилось совершенно условіямъ его жизни.

Вліяніе Византіи проникло къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Съ вѣрою мы приняли отъ нея церковное устройство, церковное право и духовную письменность, которая составляла, въ переводахъ и подражаніи, до Петра Великаго, почти единственную умствен-

[1]) Ибо соборъ былъ земскій, а не дружинный, и собирался изъ всѣхъ состояній.

ную пищу русскаго народа [1]). Духовное общеніе наше съ Византіей и превосходство надъ нами ея образованности допустили къ намъ вліяніе и ея положительной жизни. Современники называли Кіевъ соревнователемъ Византіи [2]), и онъ соревновалъ ей не только въ благолѣпіи св. храмовъ, но и въ общественныхъ обычаяхъ, въ представительности княжеской власти, а Москва, впослѣдствіи, приняла, вмѣстѣ съ придворными византійскими обрядами, вѣнчаніе и помазаніе на царство. Византійскій элементъ отразился при царяхъ и въ гражданскомъ нашемъ правѣ. Несмотря, однакожъ, на всю значительность и многосторонность византійскаго на насъ вліянія,—оно не могло противорѣчить коренному направленію нашей жизни. Все византійское достигало до насъ не иначе, какъ черезъ церковь или подъ ея, такъ сказать, разсмотрѣніемъ, а церковь была у насъ хранительницею не только православной вѣры, но и православной народности, которая слилась съ православіемъ въ приложеніи основнаго христіанскаго начала къ дѣйствительной жизни [3]). При такомъ условіи, византійское вліяніе могло дѣйствовать на насъ не иначе, какъ въ союзѣ съ нашимъ духомъ, въ его смыслѣ, а не вопреки ему. Возьмемъ въ примѣръ самое важное наше заимствованіе изъ положительной византійской жизни: вѣнчаніе и помазаніе на царство, сообщившее нашей верховной власти высшее священное значеніе. Это значеніе не сообщило ей, однакожъ, византійскаго хорактера: оно не измѣнило историческихъ ея отношеній къ народу. Самодержавіе, образовавшееся у насъ естественно и самобытно, не впало отъ того въ противорѣчіе съ историческимъ своимъ смысломъ: какъ прежніе князья княжили посреди народнаго вѣча, такъ наши Цари, вѣнчанные и помазанные, продолжали царствовать въ полномъ союзѣ съ народомъ, созывая земскіе соборы и сохраняя тотъ же народный характеръ, какъ ихъ предшественники, но только съ большею долею власти, со-

---

[1]) См. II томъ Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ, по первому и третьему отдѣленію, статью: „Почему Византія до нынѣ остается загадкой во всемірной исторіи?“

[2]) Адамъ, Архіепископъ Бременскій.

[3]) Изъ всѣхъ племенъ только у Славянъ, въ коренной Славянской общинѣ, Христіанство нашло возможность этого приложенія. Вотъ гдѣ залогъ будущаго значенія Православнаго Славянскаго міра.

размѣрно большей долѣ требованій въ правильно образовавшемся государствѣ [1]).

Прямое вліяніе кочевыхъ татаръ, сперва язычниковъ, а потомъ магометанъ, не могло имѣть у насъ мѣста, потому уже одному, что мы были Христіане и составляли общество осѣдлое, устроенное. Татары, при томъ, не мѣшались во внутреннія наши дѣла. Но за то вліяніе порабощенія оставило глубокіе слѣды въ нашей жизни. Власть татаръ, въ отношеніи историческомъ, имѣла для насъ и хорошую сторону; она сильно содѣйствовала уничтоженію удѣльнаго раздробленія и возстановленію политическаго нашего единства, чего едва ли бы можно было достигнуть съ одними внутренними средствами, безъ пособія внѣшней силы. Самая эта сила имѣла для насъ, въ лицѣ татаръ, характеръ самый благопріятный, потому что она дѣйствовала на насъ только извнѣ. Но, съ другой стороны, порабощеніе остановило на цѣлые вѣка ходъ нашего умственнаго и нравственнаго развитія, и дало возможность Европѣ опередить насъ и подчинить всѣмъ послѣдствіямъ нынѣшней нашей умственной и нравственной отъ нея зависимости. Мало того: порабощеніе не только замедлило ходъ нашего самобытнаго развитія, но нарушивъ, по свойству своему, законныя между людьми отношенія, оно внесло растлѣніе въ наши нравы. Упадокъ общественной нравственности, замѣчаемой у насъ уже въ допетровское время, корыстолюбіе лицъ, умноженіе преступленій, жестокость наказаній, небывалая дотолѣ ихъ форма, *наконецъ, стремленіе помѣстнаго класса къ закрѣпленію народа и самая возможность этого закрѣпленія*, берутъ, безъ сомнѣнія, свое начало въ томъ болѣзненномъ состояніи нашего общественнаго организма, въ которое онъ впалъ при татарщинѣ. Но, по великому счастію, коренныя начала нашего духа не могли погибнуть въ этомъ нравственномъ потопѣ: ихъ хранило въ себѣ Православіе нашей вѣры, этотъ несокрушимый ковчегъ нашей народности, и въ той части

---

[1]) Это было написано прежде появленія IV тома Русской Бесѣды, гдѣ авторъ, къ большому своему удовольствію, нашелъ, въ превосходной критической статьѣ К. С. Аксакова, опору своему взгляду на царское у насъ самодержавіе.

* Отмѣченное звѣздочками въ подлинникѣ подчеркнуто краснымъ цензорскимъ карандашемъ.

русскаго народа, гдѣ человѣка не коснулось еще позднѣйшее вліяніе Запада, начала эти сохранили и до нынѣ свое опредѣляющее значеніе въ жизни.

Отношеніе Римскаго міра къ ново-западному совершенно другое, чѣмъ отношеніе къ намъ Варяговъ, Византіи и Монголовъ. Новый западный міръ основался на Римской почвѣ. Источники, изъ которыхъ почерпались матеріалы для построенія жизни новыхъ западныхъ обществъ, были римскіе: юридическое право, наука, искусство, вѣра, самый языкъ на большей части пространства; но зодчіе были чужіе. Германскіе завоеватели внесли съ собою въ древній Римскій міръ новыя отношенія, потребовавшія и новыхъ условій жизни. Сила этихъ отношеній была неодолима: она рѣшала всѣ вопросы жизни по своимъ требованіямъ, пользуясь Римскимъ преданіемъ на столько, на сколько оно могло содѣйствовать ея собственнымъ опредѣленіямъ. Сословное разъединеніе, внутренняя борьба, феодализмъ, католицизмъ, деспотизмъ, протестантизмъ, раціонализмъ, революціонизмъ, — всѣ эти явленія осуществились бы неизбѣжно и внѣ Римскаго преданія, въ другой формѣ, инымъ способомъ, но съ тѣмъ же внутреннимъ содержаніемъ. Такимъ образомъ, на Западѣ древній міръ сообщилъ новому форму и способъ; но содержаніе въ новомъ мірѣ опредѣлилось, какъ мы видѣли выше, личнымъ началомъ. И тамъ, какъ у насъ, это начало было главнымъ двигателемъ духа и, слѣдовательно, жизни, корнемъ, изъ котораго развивались всѣ вѣтви какъ нашей, такъ и западной образованности.

Намъ остается разсмотрѣть послѣднюю сторону нашего вопроса: отношеніе западнаго личнаго начала къ нашему духу.

Мы видѣли, что это начало совершенно противоположно тому, подъ непосредственнымъ управленіемъ котораго развивалась вся самобытная жизнь наша.

При такомъ къ намъ отношеніи западнаго личнаго начала очевидно, что созданная имъ образованность не можетъ совмѣститься съ нашею народностью, и что этой образованности, для занятія у насъ мѣста, необходимо вытѣснить нашу народность.—

Другими словами: очевидно, что намъ нельзя сдѣлаться западными европейцами, не переставъ быть русскими православными.

Вотъ жертва, которой требуетъ отъ насъ европейское просвѣщеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ поклонники Запада проповѣдуютъ намъ его.

Возгласы ихъ о единствѣ обще-человѣческаго развитія, не зависимо отъ народностей, то же, что возгласы, нерѣдко слышимые, о единствѣ христіанской вѣры, независимо отъ церкви. И въ томъ и другомъ случаѣ, взглядъ касается одной поверхности явленій, не проникая въ глубину духовнаго ихъ смысла.

* Несчастная мысль о нашемъ тождествѣ съ Европой принесла уже намъ много горькихъ плодовъ.—Мы не станемъ дерзко налагать отвѣтственности на великаго человѣка за реформу, исторически необходимую, но совершенную имъ по невѣрнымъ понятіямъ объ отношеніи нашемъ къ Западу: сознаніе того, чего не сознаетъ еще и современная намъ наука, было для Петра невозможно. Мы не дерзнемъ даже осуждать въ немъ крутости мѣръ, исходившихъ не изъ корыстныхъ побужденій, а изъ глубокаго убѣжденія въ благѣ имъ совершаемаго и въ необходимости совершить въ одну жизнь несокрушимую громаду.—Но мы не будемъ и слѣпы къ заблужденіямъ и ошибкамъ великаго дѣятеля: сознавъ историческую необходимость реформы Петровой и признавъ неизбѣжность тѣхъ понятій, которыя ею руководили, мы будемъ, мы должны стараться, въ интересѣ самаго преобразователя, очищать его подвигъ отъ тѣхъ плевелъ, которыя, конечно, не входили въ виды и расчеты его.

Петръ Великій, принявъ насъ за одно съ остальной Европой, вмѣсто того, чтобы посѣять у насъ сѣмена просвѣщенія, для воздѣланія ихъ сообразно естественымъ свойствамъ нашей почвы, задумалъ пересадить къ намъ готовую образованность западноевропейскихъ народовъ.—Съ этою цѣлью онъ заботился перенесть къ намъ западную науку, какъ она есть, съ тѣми корнями, изъ которыхъ она тамъ выросла и питалась, а для вящаго сліянія нашего съ западомъ, онъ нашелъ нужнымъ усвоить намъ и формы

* Въ подлинникѣ цензоромъ отчеркнуто краснымъ карандашемъ (см. до стр. 32).

европейской жизни.—Что изъ того вышло? Пересадка при усиленномъ за нею уходѣ преемниковъ Петровыхъ, принялась у насъ иссвуственно, но оплодотворенія, требующаго другихъ условій питанія, не послѣдовало.—Раціональная наука, основанная на началахъ одного логическаго познаванія, не могла оплодотворить нашего собственнаго мышленія, потому что одного логическаго вывода недостаточно для разрѣшенія возникающихъ въ насъ вопросовъ съ тою полнотою разумѣнія, какой требуетъ полнота нашего духа. Мы остались безплодны въ области мысли: въ тѣснотѣ односторонняго развитія, ей было возможно только питаться готовыми плодами внѣшняго мышленія.—Что же касается до принятыхъ нами обычаевъ и нравовъ чужой жизни, то непосредственнымъ слѣдствіемъ у насъ ихъ усвоенія было: разлученіе наше съ своею природною жизнію, разрушеніе ея единства, разрывъ съ прошедшимъ, образованіе въ одномъ и томъ же народѣ двухъ жизней, двухъ личностей, совершенно не похожихъ между собою и почти не знающихъ и не понимающихъ другъ друга. При такомъ условіи развитія, какъ духовнаго, такъ и внѣшняго, мы должны были ограничиться тою тѣсною подражательностью, которая уже замѣчена и осуждается въ насъ самою Европой.

Мѣриломъ всѣхъ нашихъ стремленій, всѣхъ нашихъ дѣйствій, сдѣлалось европейское содержаніе жизни: ея исторія, ея теоріи, ея формы.—Въ наукѣ, въ политикѣ, въ устройствѣ внутренней жизни, мы постоянно вопрошали Западъ. Петръ ввелъ у насъ шведскую коллегіальность; Екатерина составила по Монтеськьё знаменитый Наказъ свой; Александръ I. взялъ отъ запада министерства; явились у насъ сколки съ средне-вѣковыхъ университетовъ; составилась по тѣмъ же началамъ цѣлая система народнаго просвѣщенія; [1]) мы усвояли себѣ цѣликомъ европейскія знанія и понятія, рабски подчиняясь ихъ авторитету; вся наша литература создалась подъ вліяніемъ европейскихъ образцовъ и подъ ихъ внушеніемъ.—Однимъ словомъ: для жизни, для мысли, для ея выраженія, мы брали напрокатъ чужой бытъ, чужой умъ и чужой языкъ.

---

[1]) Авторъ, имѣвъ возможность, въ продолженіе многихъ годовъ, близко и подробно изучать эту часть, отъ приходской школы до университета, предполагаетъ разсмотрѣть вопросъ о народномъ нашемъ просвѣщеніи въ особой статьѣ.

По мѣрѣ нашихъ успѣховъ въ европеизмѣ, мы слабѣли не только въ нашей народности, но и въ нераздѣльномъ съ нею православіи нашей вѣры.—Превращаясь въ Европейцевъ, мы, сами не подозрѣвая того, переставали быть русскими. Образовательное начало нашего самодержавія, подчинясь взгляду на государство съ европейской точки зрѣнія, утратило сознаніе своего народнаго значенія.

Эта исключительно подражательная жизнь долго сохраняла у насъ кажущееся единство направленія, поддерживала кажущееся единство дѣйствій, и потому сообщала ходу нашей исторіи нѣкоторую относительную правильность и систематическую послѣдовательность.

Такъ продолжалось до Императора Николая.—Онъ первый, въ самомъ началѣ царствованія, почувствовалъ несостоятельность нашего развитія, и въ одномъ изъ вступительныхъ своихъ манифестовъ обратилъ вниманіе на необходимость для насъ русскихъ началъ въ воспитаніи.—Чувство, не возведенное еще въ положительное сознаніе самыхъ требованій, опредѣлило однакожъ многія изъ дѣйствій этого Государя.—По его повелѣнію окончательно собраны и изданы всѣ наши законы; образованы археографическія учрежденія для разысканія и изданія историческихъ нашихъ памятниковъ; стали заботливо сохраняться и возстановляться остатки нашей старины. При посредствѣ правительственной мысли и при открывшихся новыхъ способахъ, возникла у насъ небывалая историческая дѣятельность, образовалось новое воззрѣніе на нашу исторію. Министръ Уваровъ провозгласилъ извѣстную свою формулу, какъ основу нашей образованности, явился Гоголь, какъ выразитель тѣхъ же почувствованныхъ, но еще не сознанныхъ требованій.

Положеніе Императора Николая, какъ Государя, между двухъ направленій, европейскимъ и русскимъ, безъ опредѣленнаго пути между ними, было неизмѣримо затруднительно: историческую задачу его времени составляла проблема, имъ замѣченная и его занимавшая, но положительное разрѣшеніе которой не было еще доступно никакой человѣческой мудрости.—Съ этой точки зрѣнія можно бы многое объяснить изъ дѣйствій Николая; но современ-

ники не признаются судьями въ дѣлѣ исторіи.—А потому воздадимъ ему, пока, должную благодарность за возможное, имъ сдѣланное для великаго вопроса нашей народности, за важную заслугу начатаго имъ поворота, котораго не остановитъ уже отнынѣ никакая противоборствующая сила: нашей крѣпкой, несокрушимой народности, разъ вызванной къ самопознанію, не одолѣютъ уже никакія чуждыя ей убѣжденія, и ежели у насъ еще недавно видѣли русскихъ людей, которые послѣ паденія Севастополя говорили, что они плакали при извѣстіи объ этомъ событіи и чувствовали себя способными умереть за Россію, *хотя и не желали ей побѣды*, то на окопахъ того же Севастополя міръ видѣлъ въ первый разъ и выпущенныхъ на волю каторжниковъ, которые геройски защищали свою тюрьму и умирали за нее говоря: *хоть тюрьма, да наша!*— *

Мы не враждуемъ съ западнымъ человѣкомъ. Нѣтъ! Мы не менѣе его поклонниковъ сознаемъ и цѣнимъ заслуги, имъ оказанныя человѣчеству,—заслуги, омытыя потоками его крови и увѣнчанныя блестящими лучами трудолюбія и изобрѣтательности.—Но мы не признаемъ его развитія за безусловную норму человѣческаго прогресса.—Мы думаемъ, что на долю Запада досталась только первая часть этого прогресса, именно: развитіе одной стороны человѣческаго бытія, разрѣшеніе вещественныхъ вопросовъ жизни, удовлетвореніе потребностямъ внѣшняго человѣка.—Удовлетвореніе этимъ потребностямъ мы признаемъ необходимымъ для полнаго развитія человѣческой природы, не допускающей, по закону земного существованія, отрѣшенія духа отъ плоти, и думаемъ, что развитіе внѣшней стороны этой природы должно предшествовать развитію стороны ея внутренней.—Что же касается до насъ, то судя по началу, положенному исторіей въ основу нашей жизни, мы полагаемъ, что идеаломъ нашего развитія долженъ быть внутренній человѣкъ.

При такихъ понятіяхъ мы не можемъ враждовать съ Западомъ. Напротивъ: мы первые утверждаемъ, что намъ необходимо усвоеніе отъ Запада всего, что служитъ къ умноженію человѣческаго благосостоянія, къ сближенію между собою народовъ, къ облегченію заботъ и трудовъ здѣшней жизни, но только въ смыслѣ

вещественнымъ. Въ пріобрѣтенныхъ же запасахъ западнаго умозрительнаго мышленія намъ должно искать положительныхъ фактовъ, какъ матеріала для возведенія умственныхъ построеній на выводахъ, добытыхъ нами въ глубинѣ собственной мысли, не ограниченной предѣлами одного логическаго познаванія.

Таково по нашему мнѣнію отношеніе наше къ Западу.

Оно вытекаетъ непосредственно изъ взаимнаго отношенія двухъ началъ, опредѣляющихъ направленіе человѣческаго духа, изъ которыхъ одно взошло на крестъ въ лицѣ Спасителя, а другое, въ лицѣ падшаго ангела, не покорилось и самому Богу.

М. Юзефовичъ.

